

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3103](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3103)



Е. С. Бемлер, Я. Е. Хмельницкая

УСТОЙЧИВОСТЬ В НАРРАТИВАХ КРЕАТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ ПЯТИГОРСКА И НАЛЬЧИКА

Правильная ссылка на статью:

Бемлер Е. С., Хмельницкая Я. Е. Устойчивость в нарративах креативной молодежи Северного Кавказа на примере Пятигорска и Нальчика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 96—120. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3103>.

For citation:

Bemler E. S., Khmel'nitskaya Ya. E. (2026) Resilience in the Narratives of Creative Youth in the North Caucasus: The Example of Pyatigorsk and Nalchik. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 96—120. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3103>. (In Russ.)

Получено: 15.09.2025. Принято к публикации: 14.04.2026.

УСТОЙЧИВОСТЬ В НАРРАТИВАХ КРЕАТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ ПЯТИГОРСКА И НАЛЬЧИКА

RESILIENCE IN THE NARRATIVES OF CREATIVE YOUTH IN THE NORTH CAUCASUS: THE EXAMPLE OF PYATIGORSK AND NALCHIK

БЕМЛЕР Екатерина Сергеевна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ebemler@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0029-6645>

*Ekaterina S. BEMLER*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Junior Research Fellow at the Center for Youth Studies*

E-MAIL: ebemler@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0029-6645>

ХМЕЛЬНИЦКАЯ Яна Евгеньевна — стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ykhmelnitskaya@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0000-2510-2984>

*Yana E. KHMELNITSKAYA*¹ — *Research Intern at the Center for Youth Studies*

E-MAIL: ykhmelnitskaya@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0000-2510-2984>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. Статья представляет исследование стратегий устойчивости креативной молодежи Северного Кавказа на примере Пятигорска и Нальчика. Теоретическая рамка работы объединяет процессуальное понимание устойчивости с трактовкой локальности как субъективно конструируемой связи с местом, что позволяет анализировать устойчивость креативной молодежи во взаимосвязи с пространственным контекстом малых городов, где локальность выступает не ограничением, а ресурсом. Эмпирическую базу исследования составляют 20 интервью с представителями креативного класса в возрасте 18—35 лет. Анализ нарративов позволил выявить, что устойчивость представляет собой не статичную характеристику, а динамический процесс, который конструируется через взаимодействие индивидуальных стратегий и локального контекста. В работе выделяются четыре ключевых типа нарративов об устойчивости: как возвращение к докризисному состоянию; как социальное встраивание; как

Abstract. The article presents a study of resilience strategies of creative youth in the North Caucasus using the example of Pyatigorsk and Nalchik. The theoretical framework of the study combines a processual understanding of resilience with an interpretation of locality as a subjectively constructed connection to place, allowing for an analysis of the resilience of creative youth in relation to the spatial context of small towns, where locality serves not as a constraint but as a resource. The empirical base of the study consists of 20 interviews with creative youth aged 18–35. An analysis of the narratives revealed that resilience is not a static characteristic, but a dynamic process constructed through the interaction of individual strategies and the local context. The authors identify four key types of resilience narratives: as a return to the pre-crisis state; as social integration; as controlled uncertainty ("safe uncertainty"); and as a lack of stability as a characteristic of modernity. Resilience is realized through the following models: individualistic (reliance on internal resources), networked (so-

контролируемая неопределенность («безопасная неопределенность»); как отсутствие стабильности в качестве характеристики современности. Устойчивость реализуется посредством следующих моделей: индивидуалистической (опора на внутренние ресурсы), сетевой (социальные связи и сети), гибридной (совмещение креативной и некреативной занятости) и локальной (укорененность в культурном наследии и городской среде). Главный вывод статьи заключается в тесной взаимосвязи устойчивости, креативности и локальности. Несмотря на структурные ограничения (неразвитость инфраструктуры, недостаток поддержки), креативная молодежь находит ресурсы для самореализации и развития своих городов, сознательно выбирая стратегию укорененности.

Ключевые слова: устойчивость, креативная молодежь, Северный Кавказ, локальность, укорененность, стратегии устойчивости

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ Санкт-Петербург «Устойчивость и креативный потенциал молодежи Северо-Кавказского региона в контексте образовательной и трудовой миграции». Авторы выражают благодарность сотрудникам Центра молодежных исследований, участвовавших в сборе эмпирических материалов.

cial connections and networks), hybrid (combining creative and non-creative employment), and local (embeddedness in cultural heritage and the urban environment). The main finding of the study is the close relationship between resilience, creativity, and locality. Despite structural limitations (underdeveloped infrastructure, lack of support), creative young people find resources for self-realization and the development of their cities by consciously choosing a strategy of embeddedness.

Keywords: resilience, creative youth, North Caucasus, locality, rootedness, resilience strategies

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project of the Center for Youth Studies of the HSE University, St. Petersburg “Resilience and creative potential of the youth of the North Caucasian region in the context of educational and labor migration”. The authors express their gratitude to the staff of the Center for Youth Studies who participated in collecting empirical materials.

Введение

В общественном дискурсе молодежь часто осмысливается в двойственной оптике: с одной стороны, отдельные молодежные группы и практики могут рассматриваться как источник социальных проблем, требующих решения, а с другой — как символический ресурс и потенциал для изменений, способствующий обновлению поколений [Омельченко, Поляков, 2017]. Эта амбивалентность находит отражение и в исследовательской литературе. Можно выделить несколько устоявшихся оптик рассмотрения молодежи. Первая изображает молодых людей как жертв неолиберальных условий, лишенных возможностей для полноценной са-

мореализации. Вторая, напротив, видит в них активных агентов социальных преобразований. Третья тенденция сводит поведение молодежи к инфантильности и эгоизму [Jenkins, Ito, boyd, 2015; Тулузакова, Самохвалов, 2022]. Анализ субъективных нарративов позволяет преодолеть ограничения как «объективирующего», так и «романтизирующего» взглядов и услышать голоса самих молодых людей при обсуждении их настоящего и будущего [Campbell, 2019].

Одна из ключевых сфер, где субъективный опыт и потенциал молодежи раскрываются наиболее ярко, — креативная экономика. В условиях современной экономики знаний креативность приобретает особую ценность ключевого фактора экономического роста и инновационного развития [Florida, 2002]. Креативный потенциал молодежи все чаще осмысливается как один из факторов регионального развития, способный противостоять «утечке мозгов» [Брижак, Романец, 2021]. При этом креативная экономика часто ассоциируется с мегаполисами, хотя исследования показывают, что малые города и отдаленные регионы также могут стать центрами притяжения творческого класса благодаря близости к природе, умеренному ритму жизни и сильным локальным сообществам [Verdich, 2010; Кочухова, Мартыанов, 2019; Кузинер, Петрунина, 2022].

Несмотря на колоссальный культурный потенциал Северо-Кавказского федерального округа, его регионы находятся на нижних ступенях рейтингов по креативному развитию [Гохберг и др., 2024]. Для миграционных процессов в СКФО характерен устойчивый дисбаланс: число уезжающих значительно превышает число прибывающих [Гимбатов и др., 2023]. Молодежь массово покидает регион для получения образования и в поисках работы в крупных городах, что приводит к потере человеческого и трудового потенциала. Однако даже в таких условиях часть молодежи выбирает стратегию укорененности — остается в родных городах и развивает локальные креативные проекты. Это открывает для них возможность встроиться в жизнь своего города, реализовать гражданскую позицию и адаптироваться к нестабильности [Nilan, 2016].

Дискуссии об устойчивости, несмотря на их теоретическую разработанность, зачастую ведутся о молодежи, но исключают ее голос из процесса концептуализации этого понятия. В то время как исследователи и политики фокусируются на структурных факторах [Омельченко, Лисовская, 2022] или психологических аспектах устойчивости [Ryan, Deci, 2001], сами молодые люди редко получают возможность сформулировать, что для них означает устойчивость и какие стратегии они используют для совладания с нестабильностью. Это особенно актуально для творческой молодежи, которая вынуждена балансировать между стремлением к гибкости и поиском стабильности. Комплексный анализ устойчивости представителей современной креативной молодежи городов Северного Кавказа предполагает обращение к их собственным нарративам, поскольку в них раскрывается субъективная логика выбора стратегий совладания и укоренения.

Мы опираемся на процессуальное понимание устойчивости М. Унгара [Ungar, 2013] как динамического конструирования, а не статической характеристики. Такой подход позволяет уйти от нормативных оценок и сосредоточиться на том, как сами молодые люди осмысливают, переживают и выстраивают свою способность справляться с вызовами. Кроме того, мы фокусируемся на взаимосвязи этой субъек-

ективно конструируемой устойчивости с локальным контекстом малых городов. Вслед за М. Анико [Anico, 2009], мы понимаем локальность как субъективно переживаемую связь с местом, основанную на осознании его культурной уникальности, истории и традиций. Это чувство «своего» пространства становится ресурсом для поддержания идентичности и стабильности. Исследования показывают, что устойчивость невозможно понять вне конкретного пространственного и социального контекста [Gallagher, Starkman, Rhoades, 2017]. Вопреки распространенному представлению о периферии как о пространстве дефицита, мы рассматриваем локальность не как препятствие, а как источник уникального креативного потенциала [Sacco, Ferilli, Blessi, 2014; Verdich, 2010].

Цель данной статьи — проанализировать, как креативная молодежь малых городов Северного Кавказа конструирует и реализует стратегии устойчивости в условиях структурных ограничений, а также выявить взаимосвязь устойчивости, креативности и локальности. В рамках работы мы отвечаем на следующий исследовательский вопрос: каким образом представители креативной молодежи Пятигорска и Нальчика понимают, конструируют и поддерживают свою устойчивость в контексте локальной среды и профессиональной деятельности? Отвечая на этот вопрос, мы показываем, как устойчивость конструируется в специфическом контексте периферийного региона, и выявляем ее тесную взаимосвязь с локальностью. Это позволит дополнить существующие исследования устойчивости молодежи в крупных городах [Лисовская, Гарифзянова, 2025] и переосмыслить политику поддержки креативной молодежи, сместив фокус с привлечения «креативного класса» в столицы на создание условий для его укоренения и самореализации в малых городах.

Теоретические подходы к пониманию устойчивости

В российском академическом дискурсе понятие устойчивости чаще всего употребляется в рамках термина «социальная устойчивость», который применяется как на микроуровне (отдельные индивиды), так и на макроуровне (общество в целом) [Омарханова, Мусин, 2013]. При этом можно выделить два основных концептуальных подхода: неолиберальный, трактующий устойчивость как готовность к самостоятельной жизни и профессиональной деятельности [Резник, Черниковская, 2019], и морально-этический, акцентирующий систему внутренних ценностей и убеждений [цит. по: Самохвалова, 2012: 72].

Оба подхода подвергаются обоснованной критике за игнорирование структурного неравенства и системных барьеров [Harlan, 2016]. Более того, традиционные определения устойчивости, делающие акцент на «преодолении невзгод» [Ungar, 2013], часто маргинализируют альтернативные стратегии совладания, такие как сознательный отказ от борьбы в несправедливых условиях (скрытая устойчивость) [Ungar, 2004], или коллективные практики арт-активизма [Van Katwyk, Seko, 2019].

В ответ на ограничения традиционных подходов М. Унгар предлагает процессуальное понимание устойчивости как динамического конструирования, а не статической характеристики [Ungar, 2013]. Данный подход позволяет уйти от нормативных оценок и сосредоточиться на том, как сами индивиды осмысливают свою способность справляться с вызовами. Кроме того, процессуальное понимание

устойчивости учитывает ее зависимость от контекста, что представляется особенно актуальным при изучении тех ресурсов, которыми обладает творческая молодежь в периферийных регионах.

Эмпирические исследования, учитывающие субъективные представления молодежи, показывают, что сами молодые люди определяют устойчивость через три ключевых аспекта: чувство принадлежности к сообществу (*belonging and connections*), осознание своих сильных сторон (*personal strengths*), и понимание внешних угроз (*external pressures*) [Van Katwyk, Seko, 2019]. Устойчивость невозможно корректно понять вне социального и пространственного контекста — важнейшую роль играет качество образовательных учреждений, характеристики местного сообщества и доступ к культурным ресурсам [Gallagher, Starkman, Rhoades, 2017].

Устойчивость следует понимать не только как способность «преодолевать» трудности, но и как возможность переопределять условия, в которых они формируются [Ungar, 2004]. Некоторые современные исследования переосмысливают неустойчивость не как проблему, а как естественную и важную стадию развития, особенно в молодом возрасте. Концепция «безопасной неопределенности» (*safe-uncertainty*) [Fox, Deakin, 2025] предлагает рассматривать это состояние как переходную фазу, содержащую потенциал для роста, при условии создания поддерживающей среды. Такой подход позволяет легитимизировать неопределенность как норму развития и сместить акцент с преодоления и превозмогания на освоение нестабильности как ресурса личностного и творческого роста. Выбор концепции «безопасной неопределенности» для нашего исследования продиктован спецификой изучаемой группы. Творческая деятельность в современных условиях тесно связана с нестабильностью — ненормированным графиком и неопределенностью дохода. Для креативной молодежи неопределенность — не внешнее и временное обстоятельство, а имманентная характеристика профессиональной траектории. В этой перспективе неопределенность может становиться источником гибкости, свободы и нестандартных решений. Поэтому в нашем исследовании внимание сосредоточено не на преодолении неустойчивости, а на том, как молодежь осваивает ее, встраивает в профессиональную идентичность и превращает в ресурс творческой самореализации.

Креативность, устойчивость и локальный контекст

Исследования показывают, что творческие практики не только помогают преодолевать неустойчивость, но и трансформируют саму среду, создавая новые социальные и культурные форматы [Metzl, Morrell, 2008]. Таким образом, в условиях макропроблем XXI века креативность выступает не просто индивидуальным навыком, а механизмом коллективной устойчивости, позволяющим переопределять границы возможного. Креативность как способность генерировать оригинальные и эффективные идеи тесно связана с устойчивостью: оба качества предполагают гибкость, адаптивность и умение работать с неопределенностью [Csikszentmihalyi, 1996]. На фоне глобальных вызовов и социальной нестабильности креативность становится ключевым ресурсом адаптации, позволяя молодежи находить нестандартные решения в постоянно меняющемся мире [Ambrose, 2016]. Это особенно

актуально для ситуации в современной России, где вынужденная изоляция, локализация и опора на местные ресурсы требуют гибкого мышления и способности переосмысливать ограничения как возможности.

В условиях глобальных изменений и усиливающейся локализации [Sacco, Ferilli, Blessi, 2014] креативность проявляется не только как индивидуальная способность к адаптации [Metzl, Morrell, 2008], но и как коллективный ресурс территорий, особенно в периферийных регионах [Prince, Petridou, Ioannides, 2021]. Креативные практики молодежи способны преобразовывать локальные сообщества, создавая новые экономические возможности и противодействуя оттоку населения. При этом отмечается, что в малых городах факторами привлекательности становятся не столько урбанистические атрибуты «креативного класса» [Florida, 2002], сколько уникальные локальные характеристики — близость к природе, чувство общности и возможности для «дауншифтинга» [Verdich, 2010].

Концепция локальности как ресурса креативности получает развитие в исследованиях креативных локальностей [Дидковская, Вишневский, Нотман, 2025]. Под этим понятием авторы понимают новые самоорганизующиеся формы социального пространства, для которых характерны (1) креативная деятельность, направленная на преобразование среды, (2) специфическая локализация взаимодействия и (3) низовая инициатива и самоорганизация. Исследование на материале крупных российских городов показывает, что именно самоорганизация и солидарность в рамках локальных сообществ являются ключевым условием для реализации творческого потенциала молодежи и ее влияния на городскую среду, что тесно перекликается с идеями об устойчивости, конструируемой через сообщество [Ungar, 2013; Pratt, 2015].

Однако, как подчеркивают исследователи, локальность не сводится лишь к объективным характеристикам пространства или формам коллективной активности. Важнейшее измерение локальности — ее субъективное переживание индивидами. Еще А. Гупта и Дж. Фергюсон показали, что локальность — это не изначальная данность, а результат социального конструирования, осуществляемого как самими жителями, так и внешними акторами [Гупта, Фергюсон, 2013]. В этом смысле любое пространство становится «местом», только когда наделяется значением и смыслом со стороны тех, кто в нем живет и действует. Развивая эту логику применительно к современным трансформациям, Е. Л. Капустина вводит понятие «коллективно представляемое пространство», показывая, что принадлежность к локальности может сохраняться как центр идентичности даже при физическом отсутствии в ней [Капустина, 2019].

Таким образом, в современных исследованиях локальность предстает в двух взаимосвязанных измерениях. С одной стороны, это объективное пространство — физическая среда, локализация взаимодействий, инфраструктура, что фиксируется в понятии «креативные локальности» [Дидковская, Вишневский, Нотман, 2025]. С другой стороны, это субъективно переживаемое пространство — то, как индивиды наделяют место смыслом, идентифицируют себя с ним и черпают в нем ресурсы для идентичности и деятельности. Именно второе измерение оказывается ключевым для понимания устойчивости креативной молодежи в малых городах: значима не только объективная креативная инфраструктура, но и то, как моло-

дые люди субъективно «присваивают» пространство, выстраивают с ним эмоциональную и смысловую связь, превращая его в источник вдохновения, поддержки и укорененности.

В мире, где доминирует гомогенизация культуры, локальное наследие становится ценным ресурсом для поддержания и развития местной экономики и сообщества [Sacco, Ferilli, Blessi, 2014]. Когда жители осознают свой город/регион как уникальный, аутентичный и обладающий собственной историей и культурой, это пробуждает в них чувство гордости, укрепляя социальную сплоченность и связи внутри сообщества [Liu, Butler, Zhang, 2019]. В условиях глобальных изменений и постоянных трансформаций локальность становится эффективным ресурсом для «укоренения» и поддержания стабильности, позволяя обществам определять и закреплять общеразделяемые смыслы и практики [Anico, 2009].

В российском исследовательском поле проблема устойчивости молодежи активно разрабатывается, в том числе в контексте миграции и адаптации. Так, исследования иногородней студенческой молодежи в крупных городах (Казань, Санкт-Петербург) концептуализируют устойчивость как результат процесса социального включения и накопления социального капитала [Лисовская, Гарифзянова, 2025]. Устойчивость в данном случае тесно связывается со способностью преодолевать барьеры изоляции, выстраивать сети поддержки и обретать чувство стабильности и уверенности в новой городской среде через формальные (университет) и неформальные институты. В рамках нарративного анализа переживаний одиночества и поиска сообщества были выделены идеализированные сценарии-модели, обобщающие схожие биографические сюжеты образовательных мигрантов в жанровой логике «социальной драмы» [Лисовская, Омельченко, Гарифзянова, 2024]. Эти работы важны для понимания того, как молодые люди конструируют свою устойчивость через активные практики социального включения в контексте городской среды. Однако остается недостаточно изученным вопрос о том, как устойчивость конструируется молодежью, которая не мигрирует, а сознательно остается в малых городах и регионах, часто воспринимаемых как периферийные.

Таким образом, критический анализ существующих подходов показывает, что ни один из них в отдельности не позволяет оценить специфику конструирования устойчивости креативной молодежи в условиях малого города. Неoliberalный подход редуцирует устойчивость к индивидуальной готовности преодолевать трудности, игнорируя структурные ограничения. Морально-этический подход фокусируется на внутренних ценностях, но упускает контекстуальность. Подходы, акцентирующие «преодоление невзгод», маргинализируют стратегии принятия нестабильности.

Мы опираемся на процессуальное понимание устойчивости как динамической характеристики [Ungar, 2013]. Для нашего анализа важна концепция «безопасной неопределенности» [Fox, Deakin, 2025], позволяющая рассматривать нестабильность как ресурс креативности. Наконец, мы фокусируемся на взаимосвязи этой субъективно конструируемой устойчивости с локальным контекстом малых городов [Sacco, Ferilli, Blessi, 2014; Pratt, 2015].

Таким образом, предлагаемый теоретический синтез позволяет нам исследовать, как креативная молодежь в специфических условиях Северного Кавказа

осмысляет и выстраивает свою устойчивость. Мы рассматриваем локальность не как объективную данность, а как субъективно переживаемую и конструируемую связь с местом. Именно это измерение, как мы покажем далее, становится ключевым ресурсом для креативной молодежи в изученных городах.

Методология

Эмпирической базой исследования выступает корпус интервью, собранный в 2024—2025 гг. сотрудниками Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в рамках проекта «Устойчивость и креативный потенциал молодежи Северо-Кавказского региона в контексте образовательной и трудовой миграции», поддержанного Российским научным фондом. Методология проекта предполагала сбор интервью в каждом городе по целевой выборке: активные студенты ($n = 10$), эксперты в креативной индустрии города ($n = 10$), работающая молодежь, занятая в креативной индустрии ($n = 10$). Для данной статьи были отобраны и проанализированы интервью из последней категории в двух городах — Нальчике и Пятигорске. Опираясь на широкую научную дискуссию о связи креативности и устойчивости, мы стремились проследить, каким образом устойчивость конструируется в нарративах людей, для которых творчество стало профессией и образом жизни. Общий объем выборки составил 20 интервью (см. табл. 1 Приложения), это количество было определено в процессе анализа как достаточное для достижения эмпирического насыщения. Использованы все интервью в рамках собранной категории по двум городам.

Информанты рекрутировались методом «снежный ком» с целевой выборкой по следующим критериям: гендерный баланс, возраст от 18 до 35 лет, а также занятость в креативной индустрии. Для операционализации понятия «креативная индустрия» и формирования выборки мы опирались на определение, закрепленное Федеральным законом от 08.08.2024 № 330-ФЗ, согласно которому к креативным индустриям относят: индустрии, основанные на историко-культурном наследии; индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства, результатах издательской и исполнительской деятельности и фонограммах; индустрии, основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях, деятельности СМИ и связях с общественностью; индустрии, основанные на прикладном творчестве. Использование законодательной рамки позволило нам, во-первых, обеспечить сопоставимость результатов с будущими исследованиями, а во-вторых, задать внешние границы креативной деятельности, которые в ходе анализа мы могли насыщать интерпретациями информантов.

С информантами проводились полуструктурированные очные интервью. Гайд включал в себя темы о месте рождения, родительской семье, образовании и опыте работы, задавались вопросы о представлениях информанта об «успешности», истории развития креативного проекта, а также о дружеских компаниях и увлечениях.

Анонимизированные транскрипты интервью обрабатывались в программе QualCoder с использованием тематического анализа. Кодирование выполнялось одним исследователем и включало несколько этапов: на первом применялось открытое кодирование, позволившее выделить 115 первичных кодов, которые фиксировали повторяющиеся сюжеты, оценки, стратегии действия и способы

описания устойчивости. В ходе анализа первичные коды были объединены в 11 укрупненных категорий, которые затем использовались как промежуточный аналитический уровень при интерпретации результатов, среди них, в частности, категории, связанные с факторами устойчивости и неустойчивости, межличностной поддержкой, сообществами, работой, городским контекстом, университетом и источниками опоры для креативного дела. Надежность анализа обеспечивалась верификацией кодовой схемы вторым исследователем, последовательным пересмотром кодов, возвратом к полным текстам интервью и проверкой устойчивости интерпретаций на интервью. Выделенные категории стали промежуточным аналитическим уровнем между первичным кодированием и представлением результатов. Именно на их основе были сформированы используемые в статье метафоры систематизации результатов — типы нарративов, модели, а также точки утраты и пересборки устойчивости. Эти аналитические конструкции не тождественны отдельным кодам или категориям, а представляют собой результат их интерпретативной сборки на разных уровнях обобщения. Пример сопоставления кода, категории и конечной метафоры приведен в таблице 2 Приложения.

Выбор городов для анализа креативной сферы обусловлен их специфическим контекстом. Пятигорск входит в состав края, а не национальной республики, это снижает влияние строгих национальных и религиозных норм на креативные процессы, создавая более либеральный контекст для самореализации молодежи. Однако экономика Пятигорска как курортного города во многом сориентирована на внешний спрос туристов и курортников. Эта логика проецируется и на творческую сферу, которая вынуждена учитывать запросы туристов. В противоположность этому, Нальчик как столица Кабардино-Балкарии в большей степени опирается на внутренние ресурсы и культурный капитал. Однако здесь креативная молодежь может сталкиваться с вызовами, связанными с влиянием консервативных установок. В то же время именно глубокая культурная укорененность может стать источником уникальности и устойчивости местных творческих проектов. Мы следуем классификации Л. Э. Лимонова и М. В. Несены, которые в своей работе показали, что именно на рубеже 250 тыс. человек происходят значимые изменения в социально-экономическом ландшафте города, поскольку меняется структура экономики, снижается производительность обрабатывающей промышленности, бюджеты городов начинают формироваться иначе, а жители демонстрируют иные субъективные оценки благополучия и социальных ожиданий [Лимонов, Несена, 2019]. Поскольку креативная сфера неразрывно связана с экономическими и социальными условиями города, мы считаем данный критерий релевантным для нашего исследования и относим Пятигорск и Нальчик к категории «малых» городов.

Таким образом, два города формируют два разных полюса креативности: коммерчески ориентированный и глобальный (Пятигорск) и аутентичный и локально укорененный (Нальчик). Ограничения исследования связаны прежде всего с рамкой кейсов и выборки. Эмпирическая база включает интервью из двух специфических городских контекстов — Пятигорска и Нальчика, поэтому полученные выводы описывают локальные конфигурации креативности и устойчивости. Кроме

того, анализ сосредоточен на работающей молодежи, для которой креативная деятельность является профессиональной занятостью, это сужает применимость результатов к иным группам (в частности, студентам и тем, для кого творчество не связано с устойчивой трудовой траекторией).

Результаты

Типы нарративов об устойчивости

Устойчивость редко проговаривается информантами напрямую, но возникает в описаниях жизненных обстоятельств, кризисов и способов справиться с ними. На основе этих повторяющихся сюжетов мы выделили четыре типа нарративов, различающихся по «точке отсчета» устойчивости и логике действия, которую они задают.

Первый тип связан с возвращением к утраченной устойчивости после кризисных событий (индивидуальных или общественных). Чаще всего информанты упоминают пандемию COVID-19 и события СВО. Точкой отсчета здесь выступает состояние «до кризиса», а устойчивость понимается как восстановление привычного порядка или поиск его новой версии в изменившихся условиях. Информанты пытаются вернуть утраченную устойчивость, и нарратив конструируется вокруг ее «переизобретения» для себя — на новом месте, новой работе или в изменившихся условиях.

Другой тип, сильно выделяющийся генезисом и мотивацией, — это путь к устойчивости, когда информанты описывают шаги к ее обретению через различные инструменты и институты. Так, опыт работы в институтах с высоким уровнем солидаризации укрепляет уверенность в сообществе и одновременно формирует несколько показателей устойчивости для человека. Важными становятся социальные связи, в которые человек встраивается и благодаря которым обретает поддержку, возможность самореализоваться и обеспечить себе досуг. Подобный опыт обретения устойчивости можно охарактеризовать как последовательный и линейный, он часто связывается с нарративом о «преодолении» себя или обстоятельств, мешающих или останавливающих, как, например, в этой цитате, где опыт работы аниматором призван помочь справиться со стеснительностью и «запустить» карьерную траекторию:

Когда только школу закончила, я пошла работать аниматором. Потому что я очень стеснялась всего и хотела это как-то перебороть. И пошла работать аниматором. Меня тогда научили вести. Я писала какие-то сценарии на детские мероприятия, на корпоративы. (Женщина, 31 год, автор текстов, Нальчик)

Другой пласт нарративов формируется вокруг сюжета отсутствия устойчивости как таковой. Здесь возникает прямая связь между нестабильностью и творчеством. Однако это противоречие нельзя рассматривать исключительно в негативном ключе: для многих молодых людей в сфере креативных индустрий неустойчивость вписывается в рамки естественного и продуктивного состояния. В таких случаях «безопасная неопределенность» (safe-uncertainty) [Fox, Deakin, 2025] выступает ресурсом реализации творческого потенциала, смещая акцент с пробле-

матизирующего дискурса. Атрибуты, связанные с неустойчивостью, такие как ненормированный график или нестабильная заработная плата, воспринимаются как необходимость и данность такого рода деятельности.

Потому что если есть спектакль, который надо репетировать, мы придем, с 11 до тех пор, пока не умрем работать, но главное, чтобы режиссер был на месте. А чтобы мы приходили, как офисные работники с 9 до 6 сидели — ну зачем? (Мужчина, 26 лет, актер, Нальчик)

Неустойчивость креативного дела противопоставляется институциональной стабильности, которая воспринимается как ограничение и угроза самовыражению.

Вот у меня подружка работала в проектом институте. Это про стабильность. У нее там оклад плюс процент. <...>. Это жесткий график, жесткая форма управления внутри компании... и ты не можешь там красивый стакан оставить на столе, потому что ты — зумер. (Женщина, 24 года, архитектор, Пятигорск)

Стабильность здесь понимается как предсказуемость и воспроизводимость определенного уровня комфорта, но оборачивается утратой свободы и творческой самореализации. Молодые люди вынуждены добиваться баланса между креативностью и устойчивостью, и то, каким образом они это делают, через что или вопреки чему, можно назвать аспектами устойчивости, напрямую влияющими на субъективное ощущение (дис)баланса.

Отсутствие устойчивости, стабильности и надежности может восприниматься как общая характеристика современности. В таком случае гибкость и умение подстраиваться под быстро меняющиеся обстоятельства становится не просто важным конкурентным преимуществом, а экзистенциальной необходимостью. Даже когда информанты устойчивы в профессиональном плане и находят поддержку среди своих близких и единомышленников, они не ощущают стабильности, поскольку повседневная реальность глубоко неустойчива.

Благополучие и надежность? Ну, не знаю. Это тоже, мне кажется, супериллюзорные понятия. Это настолько вообще не имеет как будто актуальности в 2024 году, потому что тот момент, когда все эти шутки про горизонт планирования на десять минут... <...>. Мне кажется, что надежность, то, что может хоть сколько-нибудь подарить хотя бы иллюзию надежности, это умение быть гибким и адаптивным. (Женщина, 31 год, автор текстов, Нальчик)

Мы выделяем четыре основных типа нарративов об устойчивости у наших информантов: возвращение к докризисному состоянию, движение к устойчивости через социальное встраивание, устойчивость как контролируемая неопределенность и отсутствие устойчивости как характеристики современности. Во всех типах на первый план выходит способность к адаптации, гибкость и умение подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства. Устойчивость — это не статичное состояние, а динамичный процесс, который может выражаться как в попытке

вернуться к прежней стабильности, так и в умении находить ресурсы в условиях постоянных изменений и неопределенности.

Модели устойчивости

Если типы нарративов показывают, как устойчивость определяется креативной молодежью, то модели фиксируют, на что именно опираются информанты и как конструируют собственную устойчивость.

Важным источником устойчивости информанты называют самих себя. Внутренние ресурсы становятся опорой в преодолении неустойчивости, а сам человек выступает мерилom благополучия, баланса и надежности. Эти показатели рассматриваются не как статичные характеристики, а как объекты личной рефлексии и психологической работы.

Ну чья это заслуга — моя заслуга. Потому что я считаю свою жизнь благополучной. Рядом со мной сидит человек, у которого есть все то же, что и у меня, и он считает свою жизнь неблагополучной. Потому что он так решил. То есть скорее для меня благополучие и надежность — это выбор. (Мужчина, 35 лет, организатор джазовых концертов, Пятигорск)

В этой модели человек отталкивается от понимания собственных сил и слабостей, а также ресурсов для поддержания равновесия. Такой подход можно назвать *индивидуалистической моделью устойчивости*. Согласно ей, способность справляться с трудностями зависит от самого человека: от способности «переоценить обстоятельства» и найти в ситуации более позитивный смысл, от воли и усилий для адаптации. Эта идея связана с современной неолиберальной культурой, где в центре всего — личность и ее успех. В рамках такой интерпретации одним из аспектов устойчивости становится работа или творческий проект. Ощущение профессионального признания дает ресурсы для совладания с периодами стресса и неустойчивости, а также может стать мотивацией для отказа от переезда:

У меня есть ощущение, что я влилась благодаря работе, все-таки какая-то потребность во мне как в специалисте, она существует, за что я безумно благодарна, что есть какой-то вот этот вот отклик. Наверное, я бы без этого не осталась здесь [в Пятигорске]. (Женщина, 34 года, художник, Пятигорск)

Информанты используют термин «болеть» для описания связи между собой и творчеством, что демонстрирует глубину их вовлеченности и ее роль в формировании уверенности и удовлетворенности в жизненном плане. Креативная молодежь в большой степени связана со своим трудом и профессиональным статусом. Поскольку зачастую проекты — личная инициатива, от успешности дела зависит устойчивость самих информантов. Главным ресурсом в такой парадигме выступает сам человек, его собственные действия и мысли, причем часто это подкрепляется воспитанием и схожими установками в семье:

Меня семья так воспитала, у нас всегда на Бога надейся, но сам не плошай. Да, то есть все сами, сами, сами. (Мужчина, 28 лет, керамист, Пятигорск)

В ряде случаев устойчивость «в себе» оказывается стечением множества аспектов, обеспечивающих ее. Например, она связывается с продолжением семейного дела: человек встраивается в уже готовую модель, которая обеспечивает базовую стабильность и дает возможность строить собственные проекты. Таким образом, внутренняя устойчивость оказывается переплетена с межпоколенческой преемственностью и поддержкой со стороны семьи, где культурный и экономический капитал родительской среды становится основой для креативной самореализации.

Наряду с этим устойчивость может формироваться через включенность в креативные сообщества и создание локальных пространств. В этой модели источником стабильности и силы является объединение с другими креативными проектами и людьми.

А зачем бороться, если можно созидать вместе? (Мужчина, 26 лет, актер, Нальчик)

В этом смысле отдельные единицы креативного сообщества становятся его продолжателями, создавая новые проекты и вовлекая новых людей. Так, сообщество воспроизводит само себя и свою устойчивость за счет создания новых связей и сетей взаимодействия. Ключевое условие воспроизводства креативной среды — социальный капитал, формирующийся через такие взаимодействия и компенсирующий слабость институциональной поддержки. Информанты подчеркивают, что креативные инициативы, объединяющие несколько проектов, особенно ценны, когда формируются «снизу» как форма творческого самовыражения, а не административного волеизъявления:

И вот у нас такое творческое пространство снизу организовалось. Так, чтобы кто-то сверху это организовывал, нет. И они как-то все сидят по разным закуточкам. Активные ребята. Мне кажется, это какой-то более правильный способ развития — снизу, нежели когда сверху что-то такое создастся. (Мужчина, 35 лет, организатор джазовых концертов, Пятигорск)

В рассмотренных городах информанты отмечают свойственную креативным деятелям разобщенность и ориентацию на собственное дело. Коллаборации между проектами встречаются, но редко. Мы связываем это особенностями модели устойчивости «в себе». Ориентация на индивидуальную самодостаточность и творческую автономию препятствует возникновению совместных проектов, что, в свою очередь, ограничивает потенциал коллективной устойчивости. При этом опорой для информантов служит формирование межличностных сетей взаимодействий, которые оказываются сдерживающим фактором при принятии решения о переезде. Здесь играют роль прочные связи, распространенные в кавказских регионах. Креативная молодежь интегрирована в общую сеть взаимодействий, которая включает родственников, друзей, коллег

и других. Данную модель можно обозначить как «сетевую», поскольку именно значимые связи дают молодым людям ресурсы для реализации креативной деятельности.

Другим вариантом обретения устойчивой позиции выступает наличие некреативной занятости, которая дополняет и поддерживает креативную деятельность. В таких случаях творческая карьера остается сферой «для души» и личной увлеченности, тогда как другая работа обеспечивает финансовую стабильность. Подобное распределение снимает нагрузку с креативной деятельности, освобождая ее от необходимости быть источником дохода:

О прибыли нет речи, потому что, ну, как бы, я нормально зарабатываю на основном месте работы. И, как бы, ну, я не нуждаюсь в том, чтобы получать прибыль. И когда мероприятия окупаются — супер. Когда они приносят больше прибыли, я просто раздаю все деньги музыкантам и тем, кто помогает. Поэтому никакого роста мне не нужно. А зачем? (Мужчина, 35 лет, организатор джазовых концертов, Пятигорск)

Такая модель может быть охарактеризована как «гибридная устойчивость»: творческая активность в ней существует параллельно с более стабильной сферой труда. Она обеспечивает баланс между потребностью в самовыражении и требованием экономической безопасности, снижая риск профессионального выгорания и обеспечивая устойчивость к кризисам. Прекарность креативной занятости может также привести к тому, что молодежь стремится монетизировать каждый аспект своего творчества, чтобы обеспечить себе финансовую стабильность без отказа от любимого занятия:

Когда как на самом деле, так как здесь заработка стабильного у меня нет. Сегодня может прийти десять учеников, завтра — ноль. <...>. Я еще работаю в ТюЗе как световик, меня там обучают, я там работаю и как бы хобби, но я с этого зарабатываю, я пытаюсь любое хобби всегда монетизировать. (Мужчина, 21 год, музыкант, Нальчик)

Наконец, важный аспект в нарративах — привязанность к контексту города и культуры, которая формирует «локальную модель устойчивости». Информанты подчеркивают, что именно в городах Северного Кавказа (Нальчике и Пятигорске) они находят ту устойчивость, которая отсутствует в мегаполисах:

Я ездил, я жил и в Москве, и в Питере, и там я творчеством не мог заниматься. Насколько давила атмосфера конкуренции и того, что тебе нужно просто выжить... А когда возвращался сюда, у меня как будто второе дыхание всегда появлялось. (Мужчина, 25 лет, художник, Пятигорск)

Даже в случаях, когда человек видит устойчивость через индивидуалистические категории, связь с местом и локальной культурой приобретает особое значение. Из нее молодые люди черпают силу и вдохновение, а желание сохранить ее становится движущей силой их личностного роста и профессионального развития:

Я всегда говорил и сегодня говорю, что я буду заниматься историей, фольклором, культурой, чтобы сохранить и как бы это все популяризовать. <...>. Работать, может быть, я как-то где-то смогу, может быть, это будет так, что я буду приезжать, уезжать, но жить и развиваться я хочу и буду только в Нальчике, в Республике. (Мужчина, 27 лет, журналист, Нальчик)

Город становится местом силы для креативной молодежи — пространством, к которому информанты ощущают особую привязанность и которое дает им ресурсы для жизни, работы и творческого развития. Этому способствуют камерность города, транспортная доступность, отдельные элементы инфраструктуры, а также особенности местных взаимодействий. Локальная культура вдохновляет информантов:

...Пятигорск — это не совсем Кавказ еще [согласно высказыванию информанта], но <...> в рамках города сталкиваются ребята из более кавказских регионов, и они приносят что-то свое интересное, и мы как будто бы находимся на границе между совсем-совсем Кавказом и людьми, которые не знают вообще, что такое Кавказ. (Женщина, 24 года, архитектор, Пятигорск)

Устойчивость оказывается встроенной в пространственный и культурный контекст, где локальные практики и культурная эклектика формируют специфическую атмосферу, благоприятную для творчества. Культура города становится предметом творчества, как в случае с людьми, которые занимаются традиционными видами искусства, например песнями. Сама культура понимается информантами как комплексное явление, состоящее из истории города, его языка, традиций. Укорененность в локальной культуре — важный ресурс: сделать что-то для родного города — значит внести свой вклад в его развитие. Нарративы информантов полнятся искренней любовью и уважением к своему городу:

Я люблю Пятигорск. Мне нравится джаз. Мне вот говорят, типа, «а сделай в Краснодаре» — я в Краснодаре жил какое-то время. Сделай в Краснодаре. Не хочу я в Краснодар, мне не нравится. Там без меня хватает людей, которые все это делают. А в Пятигорске нет, во-первых, никого. Во-вторых, мне это нравится. (Мужчина, 35 лет, организатор джазовых концертов, Пятигорск)

Молодые креативные люди в небольших городах оказываются в ситуации сознательного выбора между личным благополучием и миссией развивать свою малую родину. Они осознанно откладывают потенциально более успешную карьеру и финансовую стабильность в мегаполисе, чтобы стать агентами изменений и источником культурного развития в родном городе. Решение остаться продиктовано не холодным расчетом, а чувством долга и желанием оставить наследие, преобразовать пространство вокруг себя. Ради этого приходится бороться с недостатком институциональной поддержки и непониманием консервативного населения:

Не, ну тогда да, но будем честны, мы живем в Нальчике, где это трудно будет сделать, у нас менталитет совершенно другой, и местные вообще не понимают этот проект, но хотя бы не трогают — и на этом спасибо. (Мужчина, 21 год, музыкант, Нальчик)

Таким образом, устойчивость в нарративах информантов достигается за счет взаимодействия индивидуальных, социальных, экономических и пространственных ресурсов. Выделенные модели показывают, что устойчивость формируется не как данность, а как результат постоянной работы по согласованию личных стремлений и возможностей среды. При этом особую роль играет локальность: именно она для многих информантов становится не ограничением, а источником смысла, вдохновения и основанием для сохранения креативной деятельности в родном городе.

Точки утраты и пересборки устойчивости

Мы описали типы и модели устойчивости, однако ее обретение представляется динамическим процессом, элементы которого могут меняться. Они могут наделяться разным смыслом в зависимости от проживаемого периода, индивидуальных и структурных особенностей, что подчеркивает процессуальность устойчивости. Она не существует как фиксированное состояние, а напротив, формируется и разрушается в зависимости от контекста, становясь результатом постоянного перепреопределения границ. Это уводит нас от бинарного подхода к ее осмыслению и хорошо иллюстрируется в нарративах информантов. Такие моменты мы обозначаем как точки утраты и в некоторых случаях — пересборки устойчивости.

Так, обретение устойчивости «в себе» может стать дестабилизирующим и критическим моментом в биографии креативной личности. В нарративах этот вызов преодолевается за счет поиска нового смысла, например через обращение к локальной культуре и переопределение для себя смыслов взрослости и креативности. Такой процесс сопровождается отказом от существующих моделей устойчивости («переехать в крупный город») и выбором в пользу собственной траектории — «остаться и найти смысл здесь»:

Типа школьники из-за чего хотят уехать? Во-первых, юношеский максимализм, чтобы подальше от родителей. Во-вторых, им рассказывают, что местные вузы — это не престижно и все лучшие вузы находятся где-то там. (Женщина, 24 года, архитектор, Пятигорск)

Другим моментом утраты или необходимости поиска устойчивости становится обеспечение финансовой стабильности в креативной деятельности. С одной стороны, творчество остается делом «для души», и молодые люди вынуждены совмещать разные формы занятости или смиряться с отсутствием дохода. С другой стороны, отсутствие финансового благополучия рассматривается как следствие структурных проблем. Именно на этом уровне проявляется напряжение между индивидуальными стратегиями устойчивости и институциональными условиями: личная привязанность к творчеству вступает в противоречие с отсутствием спроса и поддержки со стороны городской среды.

Информанты отмечают, что в регионах креативная деятельность остается невостребованной — в городах нет инфраструктуры и надлежащего уровня регулирования креативной политики. Отсутствие спроса на продукты креативной деятельности у горожан побуждает молодежь выходить на более крупные рынки сбыта, где возможности продвижения шире.

Поэтому если какие-то идут федеральные или государственные проекты, тогда да. А городских практически нет. То есть городская среда умерла, когда у нас, к сожалению, пошла череда вот этих вот градоначальников, которые особо ничем не управляют. (Мужчина, 28 лет, керамист, Пятигорск)

Информанты подчеркивают обратную сторону модели локальной устойчивости: медленные темпы развития, недостаток грамотных решений в сфере культурной и креативной политики, слабую институциональную поддержку. Эти факторы рожают неустойчивость, которая воспринимается как неизбежная данность и одновременно как стимул для поиска собственных решений и адаптации.

Таким образом, хоть креативной молодежи и предстоит преодолевать множество точек утраты устойчивости, она находит ресурсы и потенциал для их преодоления и обретения собственных смыслов. Через обращение к внутренним ресурсам, опору на семью и преемственность, участие в креативных сообществах, гибридные стратегии занятости и укорененность в локальной культуре молодые люди создают для себя альтернативные траектории обретения устойчивости. Эти практики позволяют им компенсировать структурные ограничения региональной среды и конструировать собственное пространство возможностей, где устойчивость понимается не как данность, а как процесс постоянного поиска, переопределения и самоутверждения.

Заключение

Исследование было направлено на изучение того, как креативная молодежь малых городов Северного Кавказа (Пятигорск и Нальчик) понимает, конструирует и поддерживает свою устойчивость в условиях структурных ограничений. Основу работы составил качественный анализ 20 биографических интервью с представителями креативной молодежи в возрасте 18—35 лет.

Эмпирические данные подтверждают эволюцию концепции устойчивости от статичной характеристики к динамичному процессу [Ungar, 2013; Southwick et al., 2014], который активно конструируется молодыми людьми в ответ на вызовы внешней среды. В нарративах информантов выделены четыре ключевые определения устойчивости: как возвращение к докризисному состоянию, как социальное встраивание, как контролируемая неопределенность («безопасная неопределенность» [Fox, Deakin, 2025]) и отсутствие устойчивости как характеристика современности. Устойчивость для молодежи представляет собой не универсальное состояние, а спектр субъективных стратегий совладания с нестабильностью. При этом в каждом из определений на первый план выходит умение быстро адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям. Некоторые молодые люди действительно интернализируют неолиберальную парадигму устойчивости, интерпретируя жизненные обстоятельства через призму личной ответственности, хотя и осознают, что нестабильность глубоко вплетена в современную жизнь.

В рамках анализа были выделены ключевые модели устойчивости креативной молодежи Нальчика и Пятигорска. Индивидуалистическая модель опирается в первую очередь на внутренние ресурсы (личностные качества, профессиональные навыки). Сетевая модель устойчивости строится на социальных связях

информантов (семья, друзья, единомышленники). Гибридная модель подразумевает совмещение креативной и некреативной занятости для обеспечения финансовой стабильности. Локальная модель устойчивости реализуется через укорененность в местной культуре, которая служит источником вдохновения, темой для творчества и основой для формирования креативного потенциала.

Центральным выводом работы является доказательство тесной взаимосвязи между устойчивостью, креативностью и локальностью. Вопреки общей тенденции к «утечке мозгов» в мегаполисы, наши информанты сознательно выбирают стратегию укоренения. Локальность для них выступает не ограничением, а ключевым ресурсом: уникальная культура, камерность городской среды, близкие социальные связи становятся фундаментом для самореализации и субъективного благополучия. Таким образом, креативные практики оказываются механизмом не только личной адаптации, но и коллективной устойчивости, способствующим преобразованию городской среды и формированию новых социальных связей.

Теоретическая значимость исследования заключается в смещении фокуса с внешних, часто патологизирующих оценок молодежи на анализ того, как устойчивость субъективно производится в конкретных социально-пространственных контекстах. Работа вносит вклад в актуализацию дискуссии об устойчивости, дополняя исследования образовательной миграции анализом альтернативной траектории — сознательной укорененности в малом городе.

Устойчивость креативной молодежи в регионах России — это не линейное «преодоление», а сложный, многомерный и зачастую амбивалентный процесс постоянных переговоров между индивидуальными устремлениями и структурными ограничениями, между творческой свободой и экономической необходимостью, между глобальными трендами и локальной идентичностью. Полученные результаты указывают на необходимость разработки мер поддержки, которые не навязывают универсальные решения, а признают ценность локальных контекстов. Такие меры должны быть направлены на укрепление уже существующих источников устойчивости: развитие инфраструктуры, поддержку низовых инициатив и создание условий для монетизации креативного труда.

Список литературы (References)

1. Брижак О. В., Романец И. И. Креативный потенциал новой формации: российские регионы в конкуренции за будущее // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 3. С. 85—89.
Brizhak O. V., Romanets I. I. (2021) Creative Potential of the New Formation: Russian Regions in the Competition for the Future. *Azimut Nauchnykh Issledovaniy: Ekonomika i Upravlenie*. Vol. 10. No. 3. P. 85—89. (In Russ.)
2. Гимбатов Ш. М., Кутаев Ш. К., Хаджалова Х. М., Абдулаева З. З., Абдулманов П. Г. Социальные и демографические проблемы формирования трудового потенциала Северного Кавказа // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 135—146. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.11>.
Gimbatov Sh. M., Kutaev Sh. K., Khadzhalova Kh. M., Abdulaeva Z. Z., Abdulmanov P. G. (2023) Social and Demographic Problems of the Formation of the Labor

- Potential of the North Caucasus. *Population*. Vol. 26. No. 1. P. 135—146. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.11>. (In Russ.)
3. Гохберг Л. М., Боос В. О., Боякова К. Н., Куценко Е. С. и др. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.
Gokhberg L. M., Boos V. O., Boyakova K. N., Kutsenko E. S. et al. (2025) Rating of Creative Regions of Russia: 2024. Moscow: HSE University, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge. (In Russ.)
 4. Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии / пер. с англ. С. В. Соколовского, О. А. Поворознюк // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3—44.
Gupta A., Ferguson J. (2013) Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method and Location in Anthropology. *Ethnographic Review*. No. 6. P. 3—44. (In Russ.)
 5. Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Нотман О. В. Молодежные креативные локальности как объект социологического исследования // Социологические исследования. 2025. № 3. С. 53—64. <https://doi.org/10.7868/S3034601025030052>.
Didkovskaya Y. V., Vishnevsky Y. R., Notman O. V. (2025) Youth Creative Localities as Object of Sociological Research. *Sociological Studies*. No. 3. P. 53—64. <https://doi.org/10.7868/S3034601025030052>. (In Russ.)
 6. Капустина Е. Л. Глобальное селение: судьба локальности применительно к современной социальной жизни в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 769—782. <https://doi.org/10.32653/CH154769-782>.
Kapustina E. L. (2019) Global Village: The Fate of Locality in Relation to Modern Social Life in Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. Vol. 15. No. 4. P. 769—782. <https://doi.org/10.32653/CH154769-782>. (In Russ.)
 7. Кочухова Е. С., Мартыанов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19. № 2. С. 45—66. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>.
Kochukhova E. S., Martyanov V. S. (2019) Creative City or the Right to the City: Alternatives of Urban Development in the Russian Context. *Antinomies*. Vol. 19. No. 2. P. 45—66. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.2.4566>. (In Russ.)
 8. Кузинер Е. Н., Петрунина Д. С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 333—355. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316>.
Kuziner E. N., Petrunnina D. S. (2022) Creative Hubs as Third Places in Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 333—355. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2316>. (In Russ.)
 9. Лимонов Л. Э., Несена М. В. Диспаритет «больших» и «малых» городов России: сравнительный анализ показателей экономического развития и данных со-

- циальных обследований // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 4. С. 163—188. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-44-4-6>
- Limonov L. E., Nesena M. V. (2019) Disparity of “Large” and “Small” Cities of Russia: A Comparative Analysis of Indicators of Economic Development and Social Survey Data. *Journal of the New Economic Association*. No. 4. P. 163—188. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-44-4-6>. (In Russ.)
10. Лисовская И. В., Гарифзянова А. Р. «Ты ощущаешь себя другим, чужим...»: иногородняя молодежь в большом городе в поисках устойчивости // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 22—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563>.
Lisovskaya I. V., Garifzyanova A. R. (2025) “You Feel Different, like an Outsider...”: Non-Local Youth in a Big City in Search of Stability. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 22—44. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2563>. (In Russ.)
11. Лисовская И. В., Омельченко Е. Л., Гарифзянова А. Р. Молодежь едет учиться в мегаполис: как не остаться в одиночестве // Вопросы образования. 2024. № 3. С. 136—170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>.
Lisovskaya I. V., Omelchenko E. L., Garifzyanova A. R. (2024) Youth Is Going to Study in a Metropolis: How Not to Stay Alone. *Educational Studies*. No. 3. P. 136—170. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17283>. (In Russ.)
12. Омарханова Ж. М., Мусин Р. М. Социальная устойчивость: проблемы исследования и анализа // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 57—1. С. 63—68.
Omarkhanova Zh. M., Musin R. M. (2013) Social Sustainability: Problems of Research and Analysis. *Collections of Conferences of the Research Center “Sociosphere”*. No. 57—1. P. 63—68. (In Russ.)
13. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>.
Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. (2022) Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. (In Russ.)
14. Омельченко Е. Л., Поляков С. И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 111—132. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132>.
Omelchenko E. L., Polyakov S. I. (2017) The Concept of Cultural Scene as Theoretical Perspective and the Tool of Urban Communities Analysis. *Sociological Review*. Vol. 16. No. 2. P. 111—132. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-111-132>. (In Russ.)

15. Резник С. Д., Черниковская М. В. Социальная устойчивость студенческой молодежи России: как оценивают ее сами студенты // Интеграция образования. 2019. Т. 23. № 1. С. 85—99. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.094.023.201901.085-099>.
Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. (2019) Self-Assessment of Russian Students' Social Resistance. *Integration of Education*. Vol. 23. No. 1. P. 85—99. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.094.023.201901.085-099>. (In Russ.)
16. Самохвалова И. Г. Социокультурная компетентность личности // Педагогическое образование в России. 2012. № 5. С. 71—74.
Samokhvalova I. G. (2012) Socio-Cultural Competence of a Persona. *Pedagogical Education in Russia*. No. 5. P. 71—74. (In Russ.)
17. Тулузакова М. В., Самохвалов Н. А. Поколение «Z» как трудовой ресурс // Вестник Самарского муниципального института управления. 2022. № 4. С. 77—84.
Tuluzakova M. V., Samokhvalov N. A. (2022) Generation Z as a Labor Resource. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. No. 4. P. 77—84. (In Russ.)
18. Ambrose D. (2016) Twenty-First Century Contextual Influences on the Life Trajectories of Creative Young People. In: Ambrose D., Sternberg R. J. (eds.) *Creative Intelligence in the 21st Century*. Advances in Creativity and Giftedness. Vol. 11. Rotterdam: SensePublishers. P. 21—48. https://doi.org/10.1007/978-94-6300-506-7_2.
19. Anico M. (2009) Representing Identities at Local Municipal Museums: Cultural Forums or Identity Bunkers? In: Anico M., Peralta E. (eds.) *Heritage and Identity: Engagement and Demission in the Contemporary World*. New York, NY: Routledge. P. 63—75.
20. Campbell M. (2019) From Youth Engagement to Creative Industries Incubators: Models of Working with Youth in Community Arts Settings. *Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies*. Vol. 41. No. 3. P. 164—192. <https://doi.org/10.1080/10714413.2019.1685854>.
21. Csikszentmihalyi M. (1996) *Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention*. New York: Harper.
22. Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books.
23. Fox C., Deakin J. (2025) Breaking Good? Young People's Mechanisms of Resilience, Resistance and Control. *The British Journal of Sociology*. Vol. 76. No. 2. P. 316—335. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13164>.
24. Gallagher K., Starkman R., Rhoades R. (2017) Performing Counter-Narratives and Mining Creative Resilience: Using Applied Theatre to Theorize Notions of Youth Resilience. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 216—233. <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2016.1206864>.

25. Harlan M.A. (2016) Constructing Youth: Reflecting on Defining Youth and Impact on Methods. *School Libraries Worldwide*. Vol. 22. No. 2. P. 1—12. <https://doi.org/10.29173/slw6917>.
26. Jenkins H., Ito M., boyd d. (2015) Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics. Cambridge: Polity.
27. Liu T., Butler R.J., Zhang C. (2019) Evaluation of Public Perceptions of Authenticity of Urban Heritage under the Conservation Paradigm of Historic Urban Landscape—A Case Study of the Five Avenues Historic District in Tianjin, China. *Journal of Architectural Conservation*. Vol. 25. No. 3. P. 228—251. <http://dx.doi.org/10.1080/13556207.2019.1638605>.
28. Metzl E.S., Morrell M.A. (2008) The Role of Creativity in Models of Resilience: Theoretical Exploration and Practical Applications. *Journal of Creativity in Mental Health*. Vol. 3. No. 3. P. 303—318. <https://doi.org/10.1080/15401380802385228>.
29. Nilan P. (2016) Youth Cultures in the New Century: Cultural Citizenship and Cosmopolitanism. In: Leccardi C., Feixa C.P., Nilan P. (eds.) *Youth, Space and Time: Agoras and Chronotopes in the Global City*. Brill. P. 115—130.
30. Pratt A.C. (2015) Resilience, Locality and the Cultural Economy. *City, Culture and Society*. Vol. 6. No. 3. P. 61—67. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2014.11.001>.
31. Prince S., Petridou E., Ioannides D. (2021) Art Worlds in the Periphery: Creativity and Networking in Rural Scandinavia. *Small Cities: Sustainability Studies in Community & Cultural Engagement*. P. 45—63. <http://dx.doi.org/10.2307/j.ctv1ksOd4d.14>.
32. Ryan R.M., Deci E.L. (2001) On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. No. 1. P. 141—166. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.141>.
33. Sacco P., Ferilli G., Blessi G.T. (2014) Understanding Culture-Led Local Development: A Critique of Alternative Theoretical Explanations. *Urban Studies*. Vol. 51. No. 13. P. 2806—2821. <http://dx.doi.org/10.1177/0042098013512876>.
34. Southwick S.M., Bonanno G.A., Masten A.S., Panter-Brick C., Yehuda R. (2014) Resilience Definitions, Theory, and Challenges: Interdisciplinary Perspectives. *European Journal of Psychotraumatology*. Vol. 5. No. 1. P. 25338. <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>.
35. Ungar M. (2004) A Constructionist Discourse on Resilience: Multiple Contexts, Multiple Realities Among At-Risk Children and Youth. *Youth & Society*. Vol. 35. No. 3. P. 341—365. <https://doi.org/10.1177/0044118X03257030>.
36. Ungar M. (2013) Resilience, Trauma, Context, and Culture. *Trauma, Violence, & Abuse*. Vol. 14. No. 3. P. 255—266. <https://doi.org/10.1177/1524838013487805>.
37. Van Katwyk T., Seko Y. (2019) Resilience Beyond Risk: Youth Re-defining Resilience Through Collective Art-Making. *Child and Adolescent Social Work Journal*. Vol. 36. No. 6. P. 609—619. <https://doi.org/10.1007/s10560-018-0590-0>.

38. Verdich M. (2010) Creative Migration? The Attraction and Retention of the “Creative Class” in Launceston, Tasmania. *Australian Geographer*. Vol. 41. No. 1. P. 129—140. <https://doi.org/10.1080/00049180903535642>.

Приложение

Таблица 1. Характеристика информантов

Номер интервью	Город	Пол	Возраст	Сфера занятости
1	Нальчик	мужчина	32	актер
2	Нальчик	мужчина	21	музыкант
3	Нальчик	мужчина	27	журналист
4	Нальчик	мужчина	24	преподаватель
5	Нальчик	мужчина	26	актер
6	Нальчик	женщина	31	автор текстов
7	Нальчик	женщина	26	журналист
8	Нальчик	женщина	33	художник
9	Нальчик	женщина	23	художник
10	Нальчик	женщина	21	хореограф
11	Пятигорск	мужчина	35	организатор джазовых концертов
12	Пятигорск	мужчина	34	музыкант
13	Пятигорск	мужчина	28	керамист
14	Пятигорск	мужчина	25	художник
15	Пятигорск	мужчина	20	художник
16	Пятигорск	женщина	24	архитектор
17	Пятигорск	женщина	32	художник
18	Пятигорск	женщина	34	художник
19	Пятигорск	женщина	28	художник
20	Пятигорск	женщина	22	специалист по работе с молодежью

Таблица 2. **Пример кодирования**

Первичные коды	Укрупненная категория	Соответствие с метафорами исследования
«уверенность в себе», «опора на себя», «самодисциплина», «благополучие определяешь ты»	Устойчивость в себе	Модели устойчивости
«поддержка семьи», «включенность в сообщество», «смешанная занятость», «полезные знакомства»	Опора для креативного дела, межличностные коммуникации	Модели устойчивости
«нестабильный доход», «городская среда не развита», «выгорание», «нет гарантий»	Факторы неустойчивости	Точки утраты устойчивости